А24 5/81

А24 5/81

Святые Кириллъ и Меѳодій

Славянскіе первоучители

и время просвѣщенія славянъ.

Саратовъ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1881.

Печатано съ дозволенія цензуры.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 333892
„ “ 198 г.
Описев
А24 5/81

Святые Кириллъ и Меѳодій

Славянскіе первоучители и время просвѣщенія славянъ.

Вотъ уже тысячу лѣтъ минуло съ того времени какъ въ славянскія племена проникла христіанская вѣра, и вмѣстѣ съ нею появились письмена и общеславянскій (церковный, книжный) языкъ, ставшій связью огромнаго народа славянскаго съ покоиъ вѣковъ разбитаго на множество отдѣльныхъ племенъ. Это случилось еще до отпаденія Западной церкви отъ Вос-

точной, когда папа Николай, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, только что обнаружилъ властолюбивымъ стремленіемъ римскаго патріаршества присвоить себѣ верховную власть надъ всѣми церквами.

Въ то время Царьградъ (какъ звали славяне Византію или Константинополь) былъ по истинѣ Царемъ городомъ на весь міръ. Онъ былъ блестящею великолѣпными храмами и пышностію столицей римскаго Императора, котораго всѣ народы Европы продолжали еще по давней привычкѣ почитать за царя царей; онъ былъ столицею тогдашняго просвѣщенія, откуда знанія, искусства и вкусъ распространялись во всѣ концы міра, даже въ самый Римъ, ставшій полуварварскимъ городомъ и находившійся въ кажущейся только зависимости отъ Византіи; но главное, Царьградъ былъ столицею все-

го Христіанства: здѣсь впервые оно стало религіею государственною; здѣсь главнымъ образомъ только и жило оно, вырабатывалось въ тѣ времена; здѣсь росло оно и крѣпло въ жестокой борьбѣ со всѣмъ складомъ жизни древняго міра и въ особенности съ ересями, которыя одна за другою въ теченіи пятьсотъ лѣтъ потрясали древнее вѣроученіе.

Какія блага не принесла бы въ будущемъ ожесточенная борьба, она всегда тяжело отражается на нравственное состояніе борющагося общества.

Такъ было и съ Царьградомъ. Со времени Юстиніана, (полов. VI в.) угасли въ Византіи древнее просвѣщеніе, литература и искусства; все здѣсь мельчаетъ, пошлѣетъ, хотя вмѣстѣ съ обмельчаніемъ растетъ національное высокомѣріе. Воспитанная въ пренебреженіи Христіанскаго

наука, уже не показываетъ прежняго богатства мысли, живости чувства, силы слова. Формальность и обрядность господствуетъ на счетъ содержанія. Съ крайнимъ государственнымъ развращеніемъ теряется чувство законности правъ на власть и любовь къ отечеству; императорскій престолъ дѣлается добычею ловкаго интригана, которому при успѣхѣ все покорается безъ ропота и краснорѣчіе спѣшитъ изукрасить и прикрыть гнуснѣйшія злодѣянія. Самое православіе терпитъ чуть не цѣлый вѣкъ униженія и поруганія отъ чужеплеменной династіи. Отъ побѣдъ надъ внѣшними врагами, стѣснявшими государство, давно уже отказалось растлѣнное общество и казалось, доживало свои послѣдніе дни: магометанство болѣе и болѣе дерзко наступало съ востока, а язычники славяне съ сѣвера и запада.

Въ это время, въ нач. IX в., только что кончилась послѣднюю религіозную борьба—борьба православія съ иконоборствомъ. Византія вдругъ словно почувствовала срамъ свой: въ ней пробудилось желаніе учиться, знать, мыслить и дѣйствовать. Взялись за древнихъ писателей, взялись за науки, оставленныя въ наслѣдіе предками, образовался кругъ мыслящихъ и ученыхъ людей. Стремленіе къ умственной дѣятельности вдругъ охватило общество. Даже женщины стали учить и писать. Лица, стоявшія во главѣ управленія стали покровительствовать этому движенію. Возникали училища, основалась Академія .... Тогда выше всѣхъ образованныхъ людей. поднялся знаменитый Фотій, тотъ самый, который впослѣдствіи былъ патріархомъ и совершилъ такъ много громкаго въ нашей церковной исторіи. Не будучи еще въ духовномъ званіи этотъ ге-

піальный человѣкъ составилъ у себя родъ Академіи; былъ учителемъ въ родѣ тѣхъ, какихъ представляетъ намъ древняя Грецiя; училъ и заохочивалъ къ ученымъ занятiямъ способныхъ юношей своего времени. Около него составилась среда Еллинскаго возрожденiя и въ числѣ его слушателей самымъ способнымъ былъ Константинъ, прозванный потомъ философомъ.

Время этого возрожденiя Грецiи было коротко и вскорѣ послѣ Фотiя Византiя опять впала въ прежнее разслабленiе; но это время оставило громадныя послѣдствiя для православiя и въ особенности для славянъ.

Константинъ Философъ и неразлучный съ нимъ въ исторiи старшiй братъ его Меѳодiй были дѣти патрицiя (знатнаго) Льва, родомъ изъ города Ѳессалоникъ, или (по сла-

вянски) Солунѧ, около котораго жили славянскіѧ племена. Отецъ ихъ былъ тамъ второй сановникъ по стратигѣ (воеводѣ). Константинъ былъ *послѣдній* изъ семи его сыновей. Въ дѣтствѣ онъ отличался блестящими способностями и показывалъ необыкновенную по лѣтамъ жажду къ ученію и знаніямъ. Говорятъ, однажды, будучи отрокомъ, онъ отправился на охоту съ ястребомъ, какъ было въ обычаѣ у дѣтей богатыхъ родителей, вѣтеръ занесъ куда-то ястреба и онъ пропалъ безъ вѣсти. Отрокъ очень печалился о немъ; а потомъ разсудилъ, что вѣрно этотъ случай посланъ ему свыше урокомъ не прилѣпляться къ житейскимъ вещамъ. Это приключеніе оставило на всю его жизнь вліяніе. Съ тѣхъ поръ Константинъ прилежнѣе сталъ заниматься ученіемъ и достигъ до такой страсти, что однажды, не понимая чего то въ художествѣ грамматическомъ, гово-

рилъ знающему граматикію: „возьми часть какая слѣдуетъ мнѣ въ дому отца моего, только научи меня". Когда ему было четырнадцать лѣтъ, императорскій строитель (вѣроятно лагофетъ Ѳеоктистъ) замѣтилъ въ немъ необыкновенныя способности и взялъ его въ столицу. Это было по кончинѣ его родителя.

Въ Цареградѣ Константинъ проходитъ ученіе тамошнихъ мудрецовъ —Льва и потомъ знаменитаго Фотія, онъ изучилъ все, что считалось въ тотъ вѣкъ необходимымъ для образованнаго человѣка — Грамматику, Ариѳметику, Геометрію, Астрономію, чтеніе Гомера съ толкованіями, Философію (вѣроятно держась Аристотеля, котораго Фотій предпочиталъ Платону), Исторію, Діалектику и Музыку. Но всего выше цѣнились тогда религіозныя науки, чтеніе святыхъ отцевъ и преніе о разныхъ вопро-

сахъ, касающихся вѣры. Эти пренія нарочно устраивались для упражненія въ словѣ.

Логофетъ ввелъ Константина во дворецъ царя Михаила; хотѣлъ женить его на своей крестницѣ, но душа Константина искала чего то другаго. „Даръ твой великъ—сказалъ онъ Логофету—для того, кто его требуетъ; мнѣ же въ мірѣ нѣтъ нечего выше науки; хочу пріобрѣсть разумѣніе; хочу отыскать прадѣднюю честь и богатство.“ Земныя почести не казались привлекательными молодому философу: впослѣдствіе это мнѣніе должно было ему представиться, когда благодѣтель его Логофетъ погибъ отъ измѣнической руки правителя Варды. Его посвятили въ санъ священника и дали ему мѣсто библіотекаря при церкви св. Софіи. Но и это званіе было не по душѣ Константину. Быть можетъ его возмущали пороки

тогдашняго двора. Находясь у св. Софіи онъ былъ слишкомъ близокъ къ этому двору. Константинъ скрылся въ монастырѣ и шесть мѣсяцевъ царедворцы не знали о немъ. Наконецъ его отыскали, но не убѣдили возвратиться къ софійскому книгохранилищу. Константинъ согласился лучше принять должность учителя Философіи для туземцевъ и иноземцевъ. Съ этихъ поръ онъ получилъ званіе *Философа*, которое въ тотъ вѣкъ составляло какъ бы чинъ.

Находясь въ этомъ званіи Константинъ отличался остроуміемъ въ прѣніи съ низложеннымъ патріархомъ Аннiемъ, сторонникомъ иконоборства. Вопросъ о поклоненіи иконамъ былъ въ то время еще самый живой. Молодой философъ ловко отражалъ хитросплетенія иконоборцевъ.

„Отчего такъ“ —говорилъ Аннiй— что вы не кланяетесь кресту когда

въ немъ недостаетъ всѣхъ частей, а почитаете икону, хотя бы на ней изображеніе человѣческое было неполное, а одно только лице?“ — Оттого (отвѣчалъ Константинъ), что Крестъ состоитъ изъ четырехъ частей и если отнять одну изъ нихъ, то не будетъ креста и кланяться нечему; а въ иконѣ только по лицу и можно видѣть подобіе того, что хотѣли написать на ней. Всякъ видитъ, что не рысье и не львиное лице.

„А отчего — продолжалъ иконоборецъ — вы кланяетесь кресту безо всякой подписи, а иконѣ не творите никакой чести, если на ней имени не написано?“ — Всякій крестъ, отвѣчалъ Константинъ, подобенъ Христову кресту, а иконы не всѣ имѣютъ одинаковое подобіе. — „Моисей — сказалъ Аннiй — не велѣлъ творить всякаго подобія, а вы творите и кланяетесь“. Философъ отвѣчалъ: вотъ если бы

Моисей сказалъ: не твори́те никако́го подо́бія—ты былъ бы правъ, а то онъ сказалъ *всякаго*, значитъ достойное можно.

Такъ упражня́лись въ диспутахъ мыслящія головы того времени.

Когда Константинъ достигъ 24 лѣтняго возраста (851) его отправили на ученое состяза́ніе къ мусульманскому Мелитинскому эмиру. Въ то время ученые и просвѣщенные магометане уважали Фотія, слышали о громадной его учености, вели съ нимъ переписку и вообще охотно состяза́лись съ христіанами, цѣлямъ взаимно діалектикою. Для этой то цѣли посланъ былъ Константинъ.— Разска́зываютъ, что въ той мусульманской странѣ, куда онъ поѣхалъ, мусульмане проживали вмѣстѣ съ христіанами и враждовали съ ними за вѣру. Желая унизить ихъ къ

пріѣздѹ греческаго философа, они нарисовали на христіанскихъ домахъ изображеніи бѣсовъ и сказали Константинѹ: „а отгадай, философъ, что это такое?“ Философъ отвѣчалъ: „вижу бѣсовскіе образы и думаю, что здѣсь живутъ христіане: бѣсы вѣдь не уживаются съ ними и бѣгутъ отъ нихъ; а у кого на домахъ нѣтъ ихъ снаружи, у тѣхъ навѣрное они внутри.“ Его приняли и угощали. На пиру мѹсѹльманскіе мѹдрецы осаждали его такими вопросами: „у насъ пророкъ Мѹхамедъ, и всѣ мы держимся одного закона его; а у васъ пророкъ Христосъ и вы толкуете его законъ розно и поступаете какъ кому хочется. Отчего это?“ — Философъ на это сказалъ: — Богъ нашъ словно пѹчина морскам: многіе ищѹтъ его и пѹскаются въ пѹчинѹ; сильные умомъ добываютъ разумное богатство, переплываютъ и возвращаются; а слабые пѹскаются

на гнилыхъ корабляхъ и либо вовсе потопаютъ, либо выбиваютсѧ изъ силъ и отъ изнеможенія впадаютъ въ лѣность; а ваша вѣра—узкій и мелкій протокъ и большой и малый его перескочитъ.

„А зачѣмъ вы—сказали совесѣдники—не поступаете такъ, какъ Христосъ вамъ повелѣлъ: не подставляете ланитъ бьющимъ васъ, а напротивъ оружіе острите на тѣхъ, кто вамъ зло творитъ?“— Правда—отвѣчалъ Константинъ—Богъ сказалъ это; но онъ же сказалъ: болше сем любви не можетъ никто же имѣти на семь житіи, но да положитъ душю свою за други. Вотъ мы ради друзей такъ поступаемъ: чтобъ они черезъ тѣлесное плѣненіе не отдали въ плѣнъ душъ своихъ.—Послѣ многихъ богословскихъ преній, мусульмане изъявили ему удивленіе о его умѣ и учености. Константинъ на это отвѣ-

чалъ имъ такъ: одинъ человѣкъ почерпнулъ воды изъ моря въ мѣхъ, несетъ ее, да и хвастается встрѣчнымъ: вотъ вода: такой ни у кого нѣтъ, кромѣ меня! А на встрѣчу ему приморскій житель и говоритъ: тебѣ развѣ смердящимъ мѣшкомъ можно хвастаться, а такой воды у насъ цѣлая пучина!—Такъ и вы дѣлаете: отъ насъ произошли всѣ художества!—Говорятъ, что мусульмане, за такіе отвѣты озлобились на него и дали ему яду, но Богъ сохранилъ его невредимымъ.

По возвращеніи изъ сарацинской земли Константинъ нѣсколько времени пребывалъ въ уединеніи и раздавалъ нищимъ свое достояніе; потомъ отправился къ брату Меѳодію въ его славянское княженіе. Меѳодію наскучила свѣтская жизнь; онъ оставилъ свой санъ и удалился на гору Олимпъ и тамъ въ обители старцевъ

постригсѧ. Съ нимъ жилъ и братъ его Константинъ. Оба проводили времѧ въ чтеніи и ученіи.

Но скоро царь потребовалъ ихъ въ Цареградъ и далъ имъ новое порученіе.

Едва ли въ свѣтѣ была держава болѣе разнообразнаѧ какъ Казарскаѧ, или Хозарскаѧ. Здѣсь было много народностей и много вѣръ. Кромѣ ѧзыческихъ вѣрованій у племенъ: славѧнскаго, турецкаго, чудскаго и другихъ, болѣе образованные слои общества исповѣдывали одну изъ трехъ вѣръ: іудейство, христіанство и могаметанство. Вѣротерпимость была примѣрнаѧ. Фотій, сдѣлавшись патріархомъ, сталъ стараться объ успѣхѣ христіанства въ Казаріи и дѣйствовалъ черезъ Таврическихъ епископовъ. Казары и прежде, и теперь были въ частыхъ сношеніѧхъ съ Цареградомъ. Около 857—859 г.

прибыло въ Константинополь посольство съ просьбою прислать къ Казарамъ какого нибуть мудраго христіанина философа (*). Прежде—говорили послы—у насъ былъ единъ Богъ всѣми знаемъ, а теперь Іудеи насъ подущаютъ къ себѣ а Сарацины къ себѣ; и тѣ и другіе говорятъ: наша вѣра лучше всѣхъ вѣръ. Того ради мы приходимъ къ вамъ: пришлите къ намъ какого нибудь книжнаго мужа, чтобъ оспорить сарацинъ и іудеевъ, и мы тогда примемъ вашу вѣру. Императоръ отправилъ къ нимъ Константина, съ братомъ Мефодіемъ, который хотя и былъ старшимъ, однако служилъ (говоритъ житіе) меньшему какъ слуга, сознавая его превосходство.

333897

(*) По однимъ извѣстіямъ оно было отъ самаго кагана верховнаго государя Казарской земли; по другимъ отъ Захаріи—одного изъ удѣльныхъ князей, подвластныхъ кагану.

Проповѣдники прибыли въ Корсунь (Херсонесъ) греческій городъ, расположенный на берегу Чернаго моря, близь нынѣшняго Севастополя. Здѣсь Константинъ сталъ изучать еврейское нарѣчіе (жидовской бесѣдѣ научись) употребляемое въ тамошнемъ краѣ и обратилъ одного еврея, названнаго въ житіи самарянином (*). Но гораздо важнѣе свидѣтельство житія, что во время своего пребыванія въ Херсонѣ, Константинъ познакомился съ однимъ Русиномъ, (то есть Славянином изъ русскаго края) и нашелъ переложенные на русскій языкъ евангеліе и псалтырь, написанные русскими письменами. Константинъ выучился

(*) Послѣ ученаго изслѣдованія профессора Хвольсона понятно, что здѣсь еврей названъ самарянином правильно, потому что жившіе въ Таврідѣ евреи дѣйствительно были Самаряне, послѣ разрушенія израильскаго царства нашедшіе себѣ убѣжище на отдаленномъ сѣверѣ. Это нынѣшніе Караимы, лучшіе изъ еврейскаго племени.

читать и понимать, что было конечно легко для него, какъ съ детства знакомаго съ славянскимъ наречіемъ на его родине въ Солуни. Русинъ беседовалъ съ нимъ и училъ его своей речи. Все удивлялись быстрому усвоенію русскаго языка Философомъ, видя въ немъ природнаго грека. Живучи въ Херсонесе Константинъ сталъ отыскивать мощи св. Климента папы римскаго въ I-мъ веке, пострадавшаго въ этихъ местахъ и брошеннаго въ море. Онъ открылъ человеческія кости, при которыхъ находится якорь, служившій доказательствомъ, что кости принадлежали священномученику, утопленному вместе съ якоремъ.

Изъ Корсуня братья отправились къ Казарамъ. Путь ихъ лежалъ черезъ Меотійское озеро на западный берегъ Чернаго моря и тамъ у подошвы Кавказскихъ горъ прибыли

они къ кагану Казарскому. Проповѣдниковъ приняли съ большимъ радушіемъ. Константинъ показалъ тоже остроуміе и находчивость, какими отличался и прежде. Чтобъ посадить его по обычаю на приличное мѣсто во время пира его спросили о его званіи и происхожденіи. „Мой дѣдъ отвѣчалъ философъ, былъ великъ и очень славенъ; онъ стоялъ близко царя; но потомъ отвергъ данную ему славу и былъ изгнанъ; скитался на чужой землѣ и обнищалъ. Я родился на чужой сторонѣ и теперь ищу дѣдовской чести; но еще не достигъ ея: я внукъ Адамовъ!“—Іуден хотѣли его озадачить и съ насмѣшкою сказали: какъ это вы говорите, что Богъ вмѣстился въ женскую утробу?—А вы говорите же—отвѣчалъ философъ—что Богъ вмѣстился въ облакѣ, бурѣ и въ дымѣ, являясь Моисею. Вдавшись съ Іудеями въ бесѣду,

онъ доказывалъ, что исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ совершались въ Іс̃ѣ Христѣ и подкрѣплялъ свои доводы множествомъ мѣстъ изъ священнаго писанія. Слушатели удивлялись его учености. Князь въ заключеніе сказалъ, что онъ, хотя не принимаетъ христіанства, но надѣется достигнуть этого, „мы себѣ не враги“—были его слова: пусть что хочетъ крестится добровольно!“. —Такимъ образомъ крестилось до 200 человѣкъ. Отпуская братьевъ во свояси, князь хотѣлъ надѣлить ихъ дарами; но Константинъ сказалъ: дай мнѣ лучше греческихъ плѣнниковъ какіе есть у тебя. Это мнѣ будетъ пуще всѣхъ даровъ. Князь исполнилъ его желаніе: нашлось въ плѣну 12 человѣкъ, которые возвратились въ отечество.

По возвращеніи въ Корсунь, онъ предрекъ кончину архіепископу въ го-

родѣ Фуллѣ и изрубилъ дерево, которомѹ туземцы оказывали сѹевѣрное почтеніе.

Исполнивъ свое порученіе, братьѧ воротились въ отечество и унесли съ собою мощи Климента. По извѣстіѧмъ житіѧ, Константинъ поселилсѧ при церкви Апостолъ, а Меѳодій сдѣланъ былъ игуменомъ монастыря Полихронъ на горѣ Олимпѣ, которую онъ очень любилъ. Тамъ у него было до 70 братій.

Слѣдуетъ предположить, что слава ихъ какъ проповѣдниковъ дошла въ далекіѧ славѧнскіѧ страны именно по возвращеніи ихъ отъ Козаровъ. Въ 862 году прибыло въ Цареградъ посольство отъ Ростислава или Растица, кнѧзѧ Моравскаго. Нужно знать, что Моравіею въ IX вѣкѣ называлась нетолько та небольшаѧ земляѧ, котораѧ и теперь носитъ это имѧ, но

кромѣ ея еще пространство нынѣшней Венгріи, заселенное Словаками, на востокъ, до Татръ (Карпатскихъ горъ) и за Дунаемъ до устья Дравы и за Блатенское озеро. Дунаемъ оно дѣлилось на двѣ половины, имѣвшія особыхъ владѣтелей. Прежде эти страны, завоеванныя чудско татарскимъ народомъ Обрами (Аварами), составляли государство Аварское. По разрушеніи его Карломъ Великимъ, принявшимъ титулъ западнаго Римскаго Императора, страны эти стали управляться туземными князьями славянскаго рода. Изъ нихъ сильнѣе прочихъ явился Моймиръ. Мелкіе князья покорились ему. Князь нитранскій (по городу Нитрѣ) въ странѣ нынѣшнихъ Славянъ (въ Венгріи) Прибина сопротивлялся, но былъ изгнанъ и утвердился за Дунаемъ; а вся половина Моравіи по сю сторону Дуная сдѣлалась достояніемъ Моймира. Нѣмецкіе Императоры,

наслѣдники Карла В. домогались господства надъ славянскими землями. Прибина отдался добровольно во власть нѣмецкому императору и получилъ отъ него право на задунайскую Моравію; а Моймиръ хотѣлъ независимости. Императоръ Людовикъ въ 846 году вошолъ въ Моравію съ большимъ войскомъ, низложилъ Моймира и на его мѣсто посадилъ его племянника Ростислава. Неизвѣстно что сталось съ Моймиромъ. Ростицъ сначала показалъ видъ покорности императорской особѣ, а потомъ пошелъ по слѣдамъ своего предшественника и былъ счастливѣе его. Иго нѣмецкое стало слишкомъ несносно всѣмъ вообще славянамъ, всюду дѣлались возстанія противъ нѣмцевъ. Въ 849 году Чехи разбили императора, пришедшаго къ нимъ съ большимъ войскомъ. Это придало отваги другимъ. Ростицъ думалъ воспользоваться такимъ племеннымъ

движеніемъ, стать вождемъ его, и соединить подъ своею властью раздробленную славянщину, чтобы тѣмъ удобнѣе противостать нѣмцамъ. Въ этихъ видахъ онъ вступилъ въ союзъ съ Болгарами, вошелъ въ дружескія сношенія съ Византійскимъ (греческимъ) императоромъ и смѣло заявилъ себя независимымъ. Онъ зналъ, что нѣмецкій императоръ не проститъ ему этого, и для того устроилъ въ своей землѣ рядъ твердынь, чтобы препятствовать нѣмецкому войску, когда оно явится въ его землѣ, и не ошибся. Въ 855 году императоръ съ войскомъ вступилъ въ Моравію, но по причинѣ построенныхъ крѣпостей не могъ далеко идти и воротившись назадъ потерпѣлъ отъ славянъ пораженіе. Съ этихъ поръ Растичъ сталъ дѣйствовать еще смѣлѣе и открытѣе: онъ сдѣлался покровителемъ всѣхъ, кто только былъ недоволенъ императоромъ; междоусобія

внутри имперіи, казалось, благопріятствовали замысламъ славянскаго князя. Такимъ образомъ у него нашелъ пріютъ одинъ изгнанный нѣмцами чешскій князь Славита, потомъ два мятежныхъ нѣмецкихъ барона и, наконецъ, въ 861 году къ нему обратился недовольный отцомъ сынъ императора, Карломанъ, владѣтель Хорутаніи. Оказалось въ равной степени необходимымъ освободить Славянъ отъ вліянія нѣмцевъ въ отношеніи вѣры. Христіанство уже проникло къ Славянамъ; Моймиръ и Растичъ были христіане, въ странѣ славянской были церкви, но громада народа медленно принимали новую вѣру: богослуженіе происходило на чуждомъ для нея латинскомъ языкѣ; славянамъ не объясняли слова Божія понятною для нихъ рѣчью; притомъ христіанство къ Славянамъ приходило преимущественно черезъ нѣмцевъ: они поэтому не могли полю-

бить его. Моравію, раздѣленную на двѣ половины политически, была раздѣлена и въ церковномъ отношеніи на двѣ епархіи: Зальцбургскую и Посславскую, обѣ были нѣмецкія. Ростичъ, какъ умный политикъ, замышлялъ утвердить независимость славянскаго государства, думалъ создать и самобытную славянскую церковь. Вотъ причина посольства его въ Константинополь. Въ славянскихъ (такъ называемыхъ паннонскихъ) житіяхъ нашихъ апостоловъ не говорится вовсе объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ, которое, какъ мы достовѣрно знаемъ изъ другихъ источниковъ, принадлежитъ имъ. Это крещеніе Болгарскаго царя (861—864 г.) и послѣдовавшее затѣмъ крещеніе Болгаріи. Царь Болгарскій Борисъ уже прежде склонялся къ христіанству, располагаемый своею сестрою, которая была въ плѣну въ Царьградѣ и тамъ крестилась. Къ

нему отправился Меѳодій и объяснилъ ему христіанское ученіе понятнымъ, сердечнымъ языкомъ и расположилъ рѣшительнокъ принятію вѣры. Послѣ того Болгарскій царь принялъ крещеніе; воспріемникомъ его былъ императоръ Михаилъ: новообращенный язычникъ принялъ имя Михаила. Это посѣщеніе Болгаріи Меѳодіемъ должно было сдѣлаться извѣстнымъ Ростицу и вмѣстѣ съ другими слухами о подвигахъ славянскихъ проповѣдниковъ, должно было расположить его къ приглашенію въ свое государство именно святыхъ братьевъ. Ростицу, для его видовъ нужно было такихъ учителей, которые могли бы основать народную церковь, проповѣдывать слово Божіе людямъ на понятномъ языкѣ: такими только и могли быть Константинъ и Меѳодій.

По принятіи пословъ Ростица императоръ призвалъ братьевъ Констан-

тина и Меѳодіѧ и сказалъ имъ: вы оба Солуницы, а всѣ солунцы чисто говорѧтъ по славѧнски, и отправилъ ихъ въ Моравію. Житіе ихъ говоритъ, что они пришли туда уже съ готовыми переводами священныхъ книгъ первой необходимости.

По прибытіи въ Моравію, св братьѧ начали вводить богослуженіе на славѧнскомъ ѧзыкѣ. Для этого у нихъ были избранныѧ мѣста изъ Евангеліѧ, Апостола и псалтиръ для церковнаго обихода, литургіѧ, утренъ, часы, вечернъ, павечеріе и чины таинствъ. Они учили учениковъ и готовили изъ славѧнъ пастырей, создали церкви, поученіѧми и наставленіѧми искоренѧли несогласныѧ съ христіанствомъ ѧзыческіе обычаи. Такимъ образомъ они запрещали разводитьсѧ съ женами и болѣе всего старались утвердить прочность брака и чистоту семейной

жизни, какъ основу нравственности общественной.

Въ Моравіи пробыли они болѣе четырехъ лѣтъ. Успѣхи были чрезвычайные. Но среди такихъ успѣховъ поднялись на св. братьевъ нѣмцы, видѣвшіе, что прибывшіе греки лучше всякаго оружія могутъ освободить Славянъ отъ всякихъ нѣмецкихъ притязаній.

Тогда на западѣ существовалъ между учеными предразсудокъ, будто христіанское богослуженіе можетъ быть отправляемо только на одномъ изъ тѣхъ трехъ языковъ, на которыхъ была надпись на крестѣ Іисусовомъ. Поэтому богослуженіе на такомъ языкѣ, на которомъ еще никогда не раздавалось слово Божіе, поражало и соблазняло многихъ своею новизною.

„Не идетъ ли дождь отъ Бога равно на всѣхъ?“—говорилъ, пре-

пирамсь съ тріязычниками, св. Константинъ—„не сіяетъ-ли солнце Его навсѣхъ равно? Не дышемъ ли мы всѣ равно воздухомъ? Какъ же вы не стыдитесь говорить о трехъ языкахъ, а прочимъ всѣмъ языкамъ и племенамъ велите быть слѣпыми и глухими? Стало быть, по вашему, Богъ безсиленъ и не можетъ дать того же другимъ, что даетъ однимъ, или завистливъ—дать не хочетъ. Мы знаемъ многихъ народовъ, которые умѣютъ читать и воздаютъ славу Богу каждый своимъ языкомъ; таковы Армяне, Персы, Абхазцы, Иверцы (Грузины), Угры, Готты, Обри, Турки, Казары, Аравитяне, Сиріяцы и др." Наконецъ онъ приводилъ имъ множество мѣстъ изъ Ветхаго и Новаго завѣта, доказывая что пропов'ѣдь Христова ученія и христіанское богослуженіе могутъ отправляться на всѣхъ языкахъ, въ мірѣ, и заключилъ словами: „Хва-

лите Господа вси языцы. . . Всякое дыханіе да хвалитъ Господа".

Тогда наступило время перваго церковнаго раздора между западомъ и востокомъ. Цареградскій патріархъ Фотій объявленъ былъ отъ папы Николая незаконнымъ и подвергнутъ анаѳемѣ за то, что принялъ изъ угожденія свѣтскимъ властямъ патріаршескій санъ, при живомъ патріархѣ Игнатіи, неотступившемся отъ своего права, несмотря на насиліе правителя Варды. — Болгарскій князь, недавно крестившійся отъ Грековъ теперь изъ государственныхъ расчетовъ, съ намѣреніемъ добыть себѣ особаго патріарха, обратился къ римскому папѣ Николаю Пользуясь этимъ обращеніемъ Бориса, папа прислалъ въ Болгарію свое духовенство, которое не только не признавало въ священномъ санѣ тѣхъ, которые были посвящены Фотіемъ;

но не уважало восточныхъ обрядовъ, отличныхъ отъ западныхъ. Такое неуваженіе дошло до того, что они стали совершать Таинство муропомазанія надъ новокрещенными и уже муропомазанными отъ священниковъ Греціи. Это дѣлалось на томъ основаніи, что на западѣ было въ обычаѣ совершать таинство муропомазанія исключительно одними архіереями, а на востокѣ допускались къ тому и пресвитеры. Тогда съ своей стороны Фотій началъ обличать неправильность многихъ обычаевъ и уставовъ западной церкви и несообразность ихъ съ правилами вселенскихъ соборовъ, какъ-то: суботній постъ, безженство священниковъ, самовольное прибавленіе къ символу вѣры слова „и отъ Сына“ (Filioque), обнаружилъ и опровергъ приводимое папою Николаемъ ученіе о верховномъ главенствѣ и власти Римскаго первосвященника надъ всею христіан-

скою церковію на землѣ. Папа приглашалъ всѣхъ подначальныхъ себѣ духовныхъ запада вооружиться всевозможнѣйшею ученостію и воевать словесно противъ востока. Понятно, что при томъ раздраженіи умовъ въ высшемъ духовенствѣ, какое должны были вызвать на западѣ подобныя обстоятельства, появленіе изъ византіи братьевъ, проповѣдующихъ неслыханную для запада новость—богослуженіе на варварскомъ языкѣ, могло служить предлогомъ къ обвиненію или подозрѣнію ихъ въ ереси. Папа по доносу нѣмецкихъ духовныхъ потребовалъ славянскихъ апостоловъ къ себѣ.

То было въ 867 году. Константинъ и Меѳодій, далекіе отъ того раздора, который зачался въ высшихъ сферахъ церквей и смотрѣвшіе на папу, какъ на обыкновеннаго правовѣрнаго патріарха, въ церков-

ной области котораго они дѣйствовали, повиновались призыву, взяли съ собою обрѣтенныя ими мощи св. Климента и отправились чрезъ землю Коцела сына Прибины, который пригласилъ Константина къ себѣ и далъ ему 20 юношей для обученія, а въ награду за ученіе по просьбѣ Константина отпустилъ 1000 плѣнныхъ славянъ. Шли они медленно, продолжая проповѣдывать на славянскомъ языкѣ и устраивать славянское богослуженіе, и пока дошли до Рима, уже многое, измѣнилось въ церковномъ мірѣ. Въ Цареградѣ произошелъ переворотъ. Слабый, непорядочный царь Михаилъ третій былъ умерщвленъ соправителемъ своимъ Василіемъ Македонянином происходившимъ изъ славянъ. Убійца сдѣлался единымъ императоромъ Византійскимъ и однимъ изъ первыхъ дѣлъ его было низложеніе Фотія, возвращеніе патріаршаго

престола славомъ Игнатію и примиреніе съ Римомъ. Между тѣмъ и энергическій папа Николай скончался. Преемникъ его Адріанъ, по обстоятельствамъ того времени, былъ въ самомъ миролюбивомъ настроеніи къ восточной церкви, которая, казалось, сдѣлала все въ угодъ Риму; а потому естественно, что прибывшіе къ нему византійцы должны были ожидать самаго радушнаго пріема, въ особенности, когда въ Римъ пришло извѣстіе, что обвиненные нѣмцами славянскіе апостолы несутъ съ собою въ даръ Риму обрѣтенные ими въ далекой землѣ честные останки одного изъ самыхъ раннихъ пастырей Римскихъ. Къ тому же еще въ Римѣ говорили, что Константинъ, бывши въ Цареградѣ не ладилъ будто бы съ Фотіемъ и неоправдывалъ нѣкоторыхъ его дѣйствій. Все это побудило папу Адріана принять славянскихъ апостоловъ такъ, что пришествіе ихъ

сдѣлалось историческимъ праздникомъ для древняго Рима.

Папа съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, при многочисленномъ стеченіи народа, встрѣтилъ за городомъ св. братьевъ, вступавшихъ въ великую столицу вѣры на западѣ съ мощами св. Климента. При этомъ Константинъ подалъ папѣ славянское Евангеліе. Папа въ знакъ одобренія положилъ его на олтарь въ храмѣ св. Маріи (по житію Константина) или Петра (по житію Меѳодія) и осудилъ противниковъ ихъ, утверждавшихъ, будто бы нельзя отправлять христіанскаго богослуженія иначе, какъ на одномъ изъ трехъ языковъ пилатовой надписи и назвалъ ихъ за то *пилатиками*.

Давно уже св. Константинъ слабѣлъ здоровьемъ и, по прибытіи въ Римъ, почуствовавъ приближеніе кон-

чины, онъ постригся въ монашество подъ именемъ *Кирилла* и на 50-й день скончался 14 февр. 869 г. Ему было всего около 42 лѣтъ отъ роду; но онъ успѣлъ совершить великій подвигъ для духовнаго счастія грядущихъ милліоновъ людей. На смертномъ одрѣ говорилъ онъ своему брату и товарищу въ подвигѣ: „Не моги, ради горы (Олимпа, любимаго Меѳодіемъ), оставить ученія нашего: здѣсь больше можно спастись“.

Особенно многознаменательна его покаянная молитва за новокрещенныхъ славянъ:

„Господи Боже мой, Иже еси ангельскыя всѣ чины и безплотныя составль силы, и небо распенъ, землю основалъ и всѣ суща отъ небытія въ бытіе привелъ. Иже еси вѣсегда везде послушалъ творящихъ волю

Твою, вомщихсѧ Тебѣ и хронящихъ заповѣди Твоѧ! Послушаи моея молитвы и вѣрное Твое стадо сохрани, ему же мѧ бѣ приставилъ неключимаго и недостойнаго раба Твоего! Избавлѧа всѧ отъ всѣкыѧ безбожныа и поганьскыа злобы и отъ всѣкаго многорѣчиваго и хулнаго еретическаго ѧзыка, глаголющаго на Тѧ хулу, погуби тріѧзычную ересь и възрасти церковь свою множествомъ и всѧ въ единодушіе съвъкупль, сътвори изрѧдны люди, едино мыслѧщи и истиннѣи вѣрѣ Твоей и правомъ исповѣданіи. Въдохни же въ сердца и слово Твоего ученіа,—Твои бо есть даръ. Ѩще ны еси пріѧлъ недостойныа на проповѣданіе ему евангеліа Христа Твоего, остроѧщѧѧсѧ на добраа дѣла и творѧщаа угодная Тебѣ, еже мнѣ бѣ далъ, ѧко Твое и Тебѣ предаю ѧ. Устрои ѧ сильною Твоею десницею покрываи ѧ кровомъ крилу Твоею,

да вси хвалятъ и славятъ имя Твое—Отца, и Сына, и Святаго-Духа, во вѣки. Аминь."

О мѣстѣ, гдѣ должно было лежать тѣло почившаго просвѣтителя славянъ, возникъ споръ у Рима съ Меѳодіемъ. Меѳодій говорилъ: „мать заклинала насъ: кто изъ насъ прежде отыдетъ на судъ, чтобы братъ принесъ его въ свой монастырь и предалъ погребенію". Папа согласился было исполнить просьбу Меѳодія и приказалъ, по совершеніи обычнаго отпѣванія забить гробъ желѣзными гвоздями на дальнюю дорогу. Но римскіе епископы сказали: онъ по многимъ землямъ ходилъ, а Богъ привелъ его къ намъ и здѣсь взялъ душу его: надобно ему здѣсь и лежать, какъ честному мужу". — „За его святость и любовь—сказалъ папа—и погребу его въ своемъ градѣ въ церкви св.

Петра. Тогда Меѳодій сказалъ: „Вы меня не послушали и не отдали его мнѣ; пусть же лучше лежитъ онъ въ церкви святаго Климента: ибо съ нимъ онъ прибылъ сюда“. Такъ и поступили: тѣло св. Константина (нареченнаго Кирилла) философа погребли въ церкви св. Климента, на правой сторонѣ алтаря и поставили у гроба его икону съ лампадою*).

---

*) Въ 1858 г. римско-католич. духовенство, желая воспользоваться его мощами для привлеченія къ себѣ Славянъ, задумало открыть гробъ св. Кирилла. Согласно историческимъ указаніямъ о мѣстѣ его погребенія, оно начало свои поиски; но Богу не угодно было допустить, чтобы великая святыня славянскаго міра стала игрушкою властолюбивой политики. Монахи вскрыли стѣну храма, нашли много остатковъ современныхъ его постройкѣ; открыли древній его фундаментъ и родъ покоя. Но какъ люди, искавшіе святыни нечестно съ лукавыми цѣлями, они до того устрашены были ветхостью тысячелѣтнихъ стѣнъ, что опасаясь паденія самого храма, прекратили поиски и поспѣшили засыпать землею открывшееся пустое пространство. Тѣмъ все и кончилось.

Латинское житіе нашихъ первоучителей говоритъ, что папа посвятилъ св. Кирилла и Меѳодія въ епископы, а пришедшихъ къ нимъ учениковъ—въ пресвитеры и діаконы; славянскія же житія говорятъ лишь о принятіи св. Кирилломъ въ Римѣ монашества, а о епископствѣ его вообще ни слова. Такимъ образомъ доселѣ остается не рѣшеннымъ вопросъ: былъ ли св. Кириллъ епископомъ? Съ одной стороны, конечно, странно, чтобы папа не почтилъ самомъ епископа такого великаго гостя, принятаго съ такимъ уваженіемъ и долженствовавшаго по необходимости для своего дѣла быть епископомъ. Развѣ нерасположеніе его къ римской церкви, кратковременное пребываніе въ Римѣ, горькіе споры съ „трязычниками“ и предчувствіе кончины, заставили его отказаться отъ этого. Съ другой стороны еще болѣе странно то, какимъ

образомъ Цареградъ, посылалъ въ Моравію, по просьбѣ Ростица, проповѣдниковъ, *долженствовавшихъ насадить тамъ славянское богослуженіе*, не далъ имъ права поставлять священниковъ? Всегда въ исторіи церкви такъ бывало: въ какой странѣ являлась проповѣдь вѣры, первымъ дѣломъ было назначить туда епископа. Иначе и быть не могло. Если предположить, что Цареградъ опасался нарушить права епископства римскаго патріархата, которому номинально принадлежала Моравія, то онъ равно не могъ бы посылать и простыхъ проповѣдниковъ въ чужую область, безъ дозволенія мѣстнаго епископа; а мѣстный (зальцбургскій) епископъ, безъ сомнѣнія, никогда бы не согласился допустить туда греческихъ проповѣдниковъ, если бы то было въ его власти. Правда, паннонскія житія нигдѣ не упоминаютъ объ епископскомъ санѣ св.

Кирилла; но эти же достовѣрнѣйшїѧ изъ житій нашихъ первоучителей не упоминаютъ также и о многомъ другомъ,—хотя бы напр. о крещеніи Болгаръ. Какъ бы, казалось, пройти молчаніемъ такое событіе**).

По кончинѣ св. Кирилла, явились въ Римъ послы отъ Коцела, князя задунайской Моравіи. Они просили прислать въ ихъ край Меѳодія. Папа Адріанъ, проникнутый тогда участіемъ къ славянскому дѣлу отвѣчалъ: „не тебѣ единому по всѣмъ славянскимъ странамъ посылаю учителя отъ Бога и отъ святаго Апостола Петра, перваго настольника и ключедержца царствію небесному“. И рукоположивши Меѳодія въ епи-

**) У славянъ сохранилось мнѣніе о св. Кириллѣ, какъ объ епископѣ. По этому всѣ наши «подлинники» изображаютъ его святителемъ. Но, уступая господствующимъ въ нашей наукѣ убѣжденіямъ, мы нерѣшаемся изображать его такимъ образомъ.

скопы послалъ его къ славянамъ съ грамотою (буллою), обращенною къ славянскимъ князьямъ—Коцелу, Ростицу и Святополку, въ которой онъ признаетъ необходимымъ и полезнымъ совершать въ славянскихъ земляхъ церковную службу на славянскомъ языкѣ.

Между тѣмъ въ Моравіи произошли важныя перемѣны. Ростицъ упорно защищался отъ нѣмецкихъ притязаній; но Нѣмцы не думали оставить славянъ въ покоѣ и императоръ не хотѣлъ признать за Моравіею независимость. Въ 861 году онъ, съ двумя сыновьями—Карломъ и Карломаномъ (недавно еще искавшимъ у Ростица помощи противъ отца) осадилъ столицу Ростица Велеградъ; но не взялъ ее и ограничился тѣмъ, что разорилъ окрестности. Сосѣдніе Славяне—Чехи и Сербы, стояли за одно съ Моравами.

Но храбраго, умнаго и энергическаго Ростица низложила измѣна. Племянникъ его Святополкъ князь Нитры, чувствовалъ тягость крутой власти дяди, который, чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣшительнѣе преслѣдовалъ великую цѣль образованія сильной славянской державы. Святополкъ вошелъ въ тайный союзъ съ Нѣмцами. Ростицъ узналъ объ этомъ и послалъ вѣрныхъ слугъ схватить его обманомъ на пиру; но Святополка предупредили и онъ избавился отъ опасности. Разсерженный Ростицъ самъ отправился ловить племянника; но вмѣсто того неожиданно самъ былъ схваченъ имъ и выданъ Нѣмцамъ (Карломану). Тотъ отправилъ плѣннаго моравскаго князя въ цѣпяхъ въ Регенсбургъ; а самъ поскорѣе ворвался въ Моравію съ войскомъ. Край былъ пораженъ ужасомъ, слыша о плѣнѣ своего государя. Карломанъ безъ отпора достигъ до Велеграда, посадилъ

управлять Моравіею двухъ нѣмцевъ и взялъ съ собою регаліи Растица.— Въ ноябрѣ 870 г. въ Регенсбургѣ судъ осудилъ Растица на смерть; а императоръ, въ видѣ милости, приказалъ выколоть ему глаза и запереть въ нѣмецкомъ монастырѣ на всю жизнь.

Святополкъ не сдѣлался тотчасъ его преемникомъ, а остался княземъ Нитры; Моравіею же управляли Нѣмцы.

Торжествуя надъ Славянами въ политическомъ отношеніи, нѣмцы не оставили безъ преслѣдованія и юную славянскую церковь. Нѣмецкіе епископы—Зальцбургскій Адальбертъ, пассавскій Германерикъ, фризинскій Ганнонъ—позвали Меѳодія къ суду на дворъ короля. Меѳодій явился. „Какъ ты смѣешь въ нашей области учить?“—сказали они Меѳодію.— Еслибы я зналъ, сказалъ имъ Ме-

ѳодій, что это ваша область ѧ обходилъ бы ее; но эта область св. Петра. Вы, напротивъ, ради корысти, вопреки канонамъ, вторгаетесь въ чужіе предѣлы и возбраняете ученіе Божіе. Смотрите, костянымъ черепомъ хочетсѧ вамъ пробить желѣзную гору: какъ бы мозгъ не выскочилъ!—„Тебѣ худо будетъ!“ закричали на него нѣмцы.—Ѧ истинѹ говорю передъ царями и не стыжусѧ (отвѣчалъ Меѳодій), а вы творите волю вашу на мнѣ: не лучше ѧ тѣхъ, которые, говорѧ правдѹ, потерпли жизнь въ мѹченіяхъ.

„Не утрѹждайте моего Меѳодія“, сказалъ король епископамъ: „онъ и такъ употѣлъ, словно подлѣ печи!“ Меѳодій на это отвѣчалъ такъ: Го сѹдарь! однажды люди увидѣли вспотѣвшаго философа и спросили его: отчего ты такъ вспотѣлъ? Съ дѹраками спорилъ, отвѣчалъ имъ философъ.

Меѳодія задержали, отослали въ Швабію, гдѣ онъ пробылъ въ неволѣ два года съ половиною.

Въ этотъ промежутокъ времени ходъ политическихъ событій измѣнился къ пользѣ Славянъ. Порабощенное племя продолжало волноваться противъ Нѣмцевъ. Подозрѣвая Святополка въ совмышленіи съ возставшими, Карломанъ хорутанскій приказалъ привести его къ себѣ и задержать подъ стражею; но скоро увѣрился въ его невинности и не только освободилъ его, но еще отправилъ при нѣмецкой рати противъ славянъ, возставшихъ подъ предводительствомъ князя Славомира. Святополкъ достигъ до Велеграда; тайно сговорился съ соотечественниками; убѣдилъ впустить въ городъ нѣмецкую рать; и потомъ велѣлъ истребить ее. Тогда погибло много рыцарей и великая радость

всей нѣмецкой земли о торжествѣ надъ славянами превратилась въ плачь и рыданіе — говоритъ лѣтописецъ того времени.

Святополкъ, сдѣлавшись славянскимъ княземъ, сталъ служить славянскому дѣлу, какъ служилъ его несчастный дядя. Онъ женился на сестрѣ кн. Чешскаго Боривоя и заключилъ съ нимъ тѣснѣйшій союзъ противъ общихъ враговъ.

Послѣ кровавой войны съ нѣмцами, въ 873 г., Святополкъ, защитивши свою землю отъ вторженія нѣмцевъ, самъ ворвался въ Хорутанію, во владѣніе Корломана, и такъ стѣснилъ его, что тотъ принужденъ былъ просить отца придти скорѣе на выручку. Но императоръ также не могъ сладить со славянами и согласился на мирныя условія, какія возможны были при тогдашней силѣ

славянъ. Такимъ образомъ Святополкъ сдѣлался независимымъ.

Между тѣмъ и Меѳодій былъ освобожденъ. Папы Андріана уже не было въ живыхъ. Преемникъ его Іоаннъ VIII, требуя освобожденія славянскаго епископа, послалъ, по сказанію житія Меѳодіева, клятву на тѣхъ, которые лишили его свободы, и *запретилъ служить литургію* до тѣхъ поръ, пока не отпустятъ Меѳодія. Это извѣстіе показываетъ, что требованіе свое папа повторилъ три раза: потому что только за третьемъ разомъ полагалось запрещеніе.

Меѳодій воротился къ Коцелу и какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что славянскій апостолъ на свободѣ, изъ Моравіи стали изгонять нѣмецкихъ священниковъ и отправили къ папѣ просьбу о посвященіи Меѳодія архіепископомъ Моравіи. Папа ис-

полнилъ эту просьбу тѣмъ съ большею охотой, что она сходилась съ видами римскаго престола. Зальцбургскій архіепископъ былъ почти независимъ отъ папы и претендовалъ на давность *своего* права на Моравію; а Меѳодій называлъ этотъ край достояніемъ епархіи св. Петра и потому римскій первосвященникъ могъ назначить туда кого пожелаетъ. Понятно, что папа, желая всѣми силами показывать свою власть надъ западнымъ христіанствомъ, долженъ былъ покровительствовать св. Меѳодію.

Съ этихъ поръ распространеніе христіанства между языческими славянами пошло шире. Если досѣлѣ славяне противились принятію христіанства, то единственно потому, что въ рукахъ ближайшихъ и потому, какъ всегда бываетъ, злѣйшихъ враговъ ихъ, нѣмцевъ, свѣтъ христіанства (какъ впослѣдствіи свѣтъ науки

и цивилизаціи) являлся относительно славянъ однимъ лишь *орудіемъ порабощенія*. Но едва въ средѣ славянъ образовалась малая славянская церковь, какъ тотъ-часъ христіанство стало всюду живо приниматься. Чешскій князь Боривой, съ супругою своею Людмилою, приняли крещеніе отъ Меѳодія и вмѣстѣ съ тѣмъ введено было въ Чехіи славянское богослуженіе. Святый мужъ простиралъ свою духовную ловитву и далѣе—въ польскіе предѣлы. „Былъ (говоритъ житіе его) очень сильный князь сѣдмій въ Вислѣхъ, ругался надъ христіанами и дѣлалъ имъ пакости". Меѳодій послалъ ему сказать: „крестись сынъ мой, хорошо тебѣ будетъ; а то, если волею не крестишься на своей землѣ, то не волею окрестишься на чужой, въ плѣну". Такъ и сталось потомъ.

Когда Святополкъ воевалъ съ

невѣрными, молитвы Меѳодіѧ помогали ему.

Но вскорѣ по возвращеніи св. Меѳодіѧ изъ нѣмецкаго плѣна въ Моравію, папа подвергсѧ ученью „тріѧзычнаго“ толка, недозволяю-шаго христіанскаго богослуженіѧ иначе, какъ на одномъ изъ ѧзыковъ пилатовой надписи. Нѣмцы, видѧ, что славѧнскіе народы мимо ихъ участіѧ принимаютъ крещеніе и черезъ то видимо ускользаютъ отъ ихъ вліѧніѧ, снова подали на Меѳодіѧ извѣтъ въ томъ, что онъ противитсѧ церкви и не хочетъ признавать распространившагосѧ на западѣ прибавленіѧ въ Символѣ Вѣры „и отъ Сына (Filioque)“. Іоаннъ VIII потребовалъ въ 879 г. его въ Римъ, нашелъ Меѳодіѧ совершенно правымъ и убѣдилсѧ его доводами въ полезности славѧнскаго ѧзыка въ богослуженіи. Подобно папѣ Андріану

онъ издалъ буллу, гдѣ выразился, что не находитъ противнымъ правой вѣрѣ и ученію служить литургію по славянски и читать на этомъ языкѣ Евангеліе и пѣть всѣ церковныя службы.

Но враги и потомъ не оставляли Меѳодія. Не могли они ничего сдѣлать черезъ Римъ — выбрали другой путь: подставили Святополку лукаваго нѣмца по имени Вихинга. Тотъ поддѣлался къ князю, вошелъ къ нему въ большую милость, потворствуя его слабостямъ, противъ которыхъ возставалъ св. Меѳодій, и чрезъ него выхлопоталъ себѣ даже посвященіе въ санъ *викарнаго* епископа къ св. Меѳодію. Въ высшей степени безнравственный (какъ признаютъ его сами нѣмецкіе ученые) и хитрый Вихингъ, всячески вооружалъ противъ св. Меѳодія Святополка и даже расположилъ его въ пользу

введеніи латинскаго языка въ богослуженіи; при чемъ увѣрялъ Святополка, что будто бы у Меѳодія есть папская булла, воспрещающая славянскій языкъ; Меѳодій обратился къ папѣ, который обличилъ клевету Вихинга, успоконвалъ Меѳодія и писалъ Святополку, что если ему самому нравится латинское богослуженіе, то онъ можетъ ввести его для себя; но что вообще въ краю слѣдуетъ оставаться богослуженію славянскому.

Наконецъ дней своихъ, повѣствуетъ житіе св. Меѳодія, онъ съѣздилъ въ Царьградъ, куда звалъ его царь, желая принять отъ него благословеніе, какъ отъ достойнаго и почтеннаго. Меѳодій побывалъ въ городѣ, гдѣ провелъ молодость, и одаренный царемъ воротился въ свою епархію, гдѣ преставился 6-го апр. 885 г. и погребенъ былъ въ Селе-

градѣ, во храмѣ Пр. Богородицы, противъ олтаря въ стѣнѣ.

Поѣздка Меѳодія въ Римъ и Константинополь, служитъ самымъ наглядным рѣшеніемъ вопроса къ восточной или западной церкви принадлежали святые мужи. Споръ между церквами былъ только въ зародышѣ и еще далеко было до окончательнаго разрыва. Просвѣтители славянъ были византійцы и нѣтъ сомнѣнія, что они держались чиноположенія восточной церкви во всѣхъ отличіяхъ ея отъ западной, тогда еще обоюдно терпимыхъ.

Несравненно труднѣе рѣшить въ подробности какія книги были переведены святыми братьями. Житія ихъ свидѣтельствуютъ, что при жизни св. Кирилла переведены были: Псалтирь, Евангеліе, Апостолъ и избранныя службы; а потомъ св. Меѳодій

перевелъ съ греческаго всю Библію (за исключеніемъ книги Маккавей), Помоканонъ и отеческія книги.

Кромѣ переводовъ, Константину (Кириллу) приписывается нѣсколько богословскихъ сочиненій; важнѣйшее изъ нихъ—*Исповѣданіе вѣры*. Изъ него видно, что славянскій просвѣтитель, оказывая уваженіе къ достоинству римскаго первосвященника, не только не раздѣлялъ возникавшихъ на западѣ умствованій, но рѣзко возражался противъ ученія объ исхожденіи св. Духа отъ отца и Сына. Да и сами папы въ то время не признавали такого чтенія изобрѣтеннаго въ Испаніи, и на вывѣшенной въ Римѣ таблицѣ Символа вѣры, не вставили словъ „и отъ Сына“.

Великое дѣло святыхъ мужей въ Моравіи, вскорѣ по кончинѣ Меѳодія, должно было потерпѣть большія невзгоды. Папы нарушили обѣ-

ціаніе своихъ предшественниковъ; латинскій языкъ, мало по малу вытѣснилъ изъ богослуженія славянскій, введенный просвѣтителями. Политическая самостоятельность Моравскаго государства пала; Угры (Мадьяры, Венгры) завоевали Паннонію; ученики Меѳодія были изгнаны нѣмецкимъ духовенствомъ и ушли въ разныя земли, преимущественно же въ Болгарію. Дѣло св. братьевъ процвѣло лишь у тѣхъ славянъ, которые пребыли вѣрными первобытной православной церкви и не подчинились присвоенной римскою іерархіею всевластію, именно: у Болгаръ и Сербовъ; но шире и плодотворнѣе у Русскихъ.

Гос. Историч. Науч. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
« » 193 г.